

Общеизвестно, что Дмитрий Философов был самым близким другом семьи Мережковских и вместе с ними участвовал в попытке создания обновлённой христианской церкви, которой они дали название «Новое религиозное сознание». С теми или иными перерывами эта «церковь» просуществовала около десяти лет в первом десятилетии XX века. Судя по дневниковым записям З. Гиппиус, там были придуманы свои обряды, молитвы, которые писал Д. Мережковский. Иногда на этих «храмовых служениях» присутствовали близкие им по духу А. Блок, А. Белый и некоторые другие. З. Гиппиус-Мережковская в дневниках подчёркивает, что именно она была инициатором этой «церкви». С воодушевлением она пишет о том, как закупала ткани для нового церковного облачения, вино для причастия, тогда как Д.С. Мережковский и Д.В. Философов относились к этому с известной долей скепсиса. Конечно, со стороны Гиппиус здесь чувствовалась женская экзальтация. Её неукротимая череда «влюблённостей» в Н. Минского, Д. Философова, а позднее Б. Савинкова, В. Злобина и других приобрела эротически религиозную направленность.

«Новое религиозное сознание» начало развиваться ещё в конце XIX века, когда в 1892 году Д. Мережковский выступил с лекцией «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Сначала новое литературно-художественное течение (т.е. символизм) несколько «буксовало», но его поддержала семья Дягилевых, непосредственных родственников Д.В. Философова, а особенно его мать – Анна Павловна Философова, урождённая Дягилева. Она субсидировала журнал «Мир искусства» и (возможно) помогала Мережковским в издании первого символистского журнала «Новый путь». Сближение

¹ Доклад, прочитанный на Седьмых Философских чтениях «Историко-культурное наследие дворянского рода Философовых» 11-12 августа 2016 г. п. Бежаницы.

Мережковских и Философова было сложным. Об этом в начале века писали современники. Например, Вальтер Нувель, член редколлегии журнала «Мир искусства» однажды сказал, придя к Гиппиус: «А может быть, Вы не Бога ищете, а Философова, потому что у вас к нему личное влечение. Испугавшись, – продолжает Гиппиус, – я стала глядеть внутрь себя, но ничего не могла увидеть, потому что влюблённость в Христа, как большой свет, заслоняла всё в душе, и я не знала, что там. Но как раньше я никогда в себе этого не видела, то и осмелилась не бояться. Я же думаю, что пол – через Бога, а не Бог через пол...».

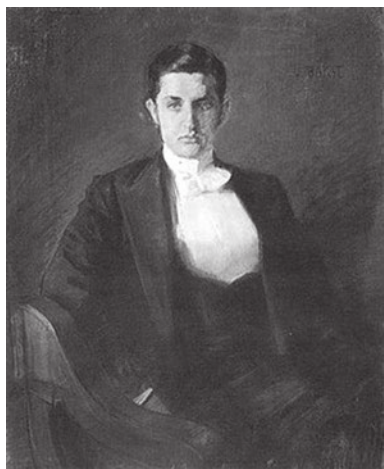


Анна Павловна Философова.
Портрет М.В. Брянского. 1876 г.

Дальше Нувель (судя по дневниковым записям З. Гиппиус) всё-таки разгадывает её тайную страсть к этому человеку. Но об этом чуть позже.

В одной из статей, посвящённой творчеству В.В. Розанова Д. Философов, кратко излагая мысль своего оппонента, писал: «Христианство, поставив аскетический идеал, убило счастье и радость. Жизнь осталась старая, только без радости, без искренней простоты. В мир вошёл грех, земля потемнела». И дальше: «Логически Розанов стоит перед следующей дилеммой: или мир есть абсолютное зло, и тогда отрицающее мир христианство есть абсолютное добро, или мир – добро, а христианство – зло». Вывод такой: «Сам Розанов не нашёл ответа на поставленный им вопрос» (из статьи «Слова и жизнь», 1906 г.).

Тут вопрос стоит несколько иначе, чем представляется Д. Философову. Это вопрос о религиозности полового общения, который занимал основное творчество Д.С. и З.Н. Мережковских. Некую слабость христианства в проблеме «святости пола» Мережковские поняли ещё в 90-х годах XIX века. Уже в 1920-х – 30-х годах Д.С. Мережковский обратил внимание на один интересный факт: еврейским пророкам по текстам Ветхого Завета никогда не разрешалось пророчествовать, если они не были женаты и не имели де-



Дмитрий Философов.
Портрет Л. Бакста

тей. Христос явно не подходил под эти естественные требования еврейских законоучителей. Отсюда и возник вопрос о том, что он был не мужчиной и не женщиной, а был неким андрогинном. Д. Философов был убеждён в том, что нравственное учение Л. Толстого (его можно понимать как секту толстовство) могло бы определить дальнейший ход русской мысли: «В том-то и обаятельность Толстого, что внутреннее благородство его личности, благолепие его духовной жизни прекрасны для нас сами по себе, вне идейных согласий или несогласий с его учением.

Путь нравственного очищения, самоуглубления был для Толстого, может быть, тяжелее, чем для кого бы то ни было» (из статьи «Повседневный героизм Толстого»). Обратим внимание, что эта мысль полностью противоположна рассуждениям Мережковского. В прославленной книге «Л. Толстой и Достоевский» Д. Мережковский признаёт за Толстым искренность плоти, яркость образов, но всю так называемую религиозно-философскую деятельность Л. Толстого он считает то ли глуповатой, то ли примитивной.

Напомним читателю, что знаменитый наш современник писатель Дэн Браун, автор романа «Код да Винчи», а также режиссёр Скорсезе, снявший фильм «Последнее искушение Христа» по роману Никоса Казандзакиса «Последнее искушение», недвусмысленно говорят о том, что Христос «был мужчиной» и отцом ребёнка от упоминаемой в Евангелии Марии Магдалины. Дальнейшие наследники Христа якобы стали французскими королями династии Меровингов.

Если Христос был мужчиной и мог иметь от своей жены детей, которые стали основателями царской династии, то совершенно ясно, что он не мог быть Богом. Поэтому и Мережковские, и Философов настаивали на андрогинности Христа, что в его образе были воплощены древнейшие предания ещё платоновских и доплатоновских времён о том, что некогда существовал так называемый «третий пол», то есть андрогинны, который был уничтожен веле-

ниями древнего божества. (Подробно я рассматривал этот вопрос в статье «Христос или христианство?»).

С той поры, то есть с самого начала XX века пути Мережковских и Философова сблизились.

Особенно это заметно в отношении оценок культурного развития России на переломе между XIX и XX веками.

«Ныне, когда произошёл несомненный надлом в культуре 19 века, когда произошло катастрофическое столкновение не только культур социальных, но и национальных, расовых, “научиться” культуре без учителя и учебника, без проводника, пожалуй, ещё труднее, неужели научиться самоучкой клинообразным надписям культуры умершей, ассиро-вавилонской» (Из статьи «Как не надо учить культуре», 1934 г.). Это поздняя статья Д. Философова, но показательно, что эпиграфом к ней он взял слова Мережковского: «Научиться культуре, не одна ли из задач, поставленных нам судьбой?».

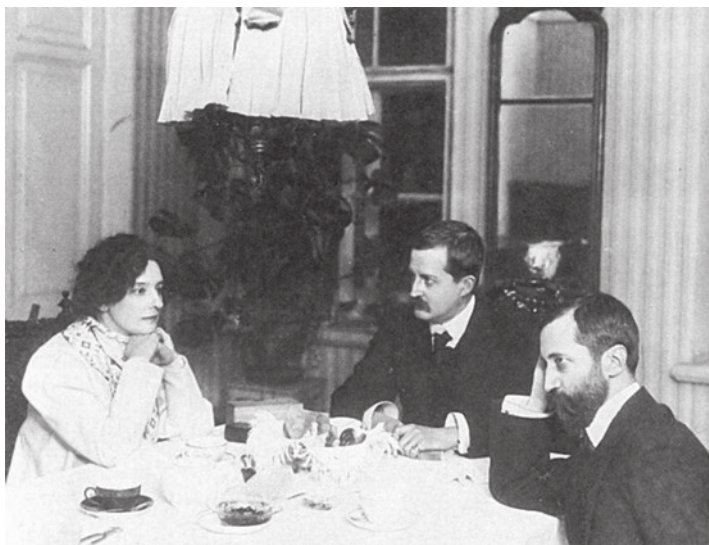
* * *

Их сблизало и отрицательное отношение к так называемому «историческому христианству». Учение о «новом религиозном сознании» подразумевало его критику. Вот что пишет Д. Философов в 1906 году: «Старая церковь всегда пристраивалась ко власти имущим. По-видимому, и “обновлённая” не излечилась от этого недуга”. (...) Они твёрдо верят, что без них новый строй не обойдётся» (Из статьи «Братство церковного обновления»).

А что касается общего религиозного состояния России в начале XX века, то Д. Философов был беспощаден в его оценках: «Нет тут ни христианства, ни язычества, ни первобытности, ни культуры. Вместо христианства – неблагоприятная обрядность. Вместо язычества – пьянство, драки. Вместо первобытности – московские ситцы, вместо культуры – нелепые звуки граммофона, доносящиеся из чайной».

Царство теней, тусклых призраков. Страна воспоминаний. Реальна только угрюмая природа. За церковью, под крутым берегом, расстилается бледное озеро, сливающееся на горизонте с бесконечными мхами и болотами» (Из статьи «Неугасимая лампада», 1910 г.).

Мережковский и Д. Философов во многом были близки и в понимании общественных процессов, происходивших в русском обществе, и в оценке революционных событий 1917 года. Весь самый трагический период 1917–19 гг. они прожили в колыбели революции – Петрограде и в полной мере на собственном опыте



Гиппиус, Философов и Мережковский

осознали, что такое наступающий интернациональный коммунизм. Как только представилась возможность, в декабре 1919 года Мережковские, Философов и работающий у них секретарём В.А. Злобин покинули Россию. Вместе с помощью усилий Б. Савинкова они перешли нелегально через польскую границу и поначалу остановились в Варшаве. Гражданская война в России была ещё в полном разгаре. В то время Германия уже капитулировала на восточном и западном фронтах, и в новообразованном польском государстве воцарился бывший друг русских революционеров Ю Пилсудский, присвоивший себе звание «начальник государства». Д.С. и З.Н. Мережковские, Д.В. Философов и В.А. Злобин некоторое время жили в Варшаве, но в дальнейшем – и это оказалось окончательным – их пути разошлись. Почему-то – мы твёрдо не знаем, почему именно – Философова приглянулась новообразованное Польское государство, где он оставался до самой смерти, но почему-то ни разу не навестил Мережковских в Париже. Мережковские и Злобин уехали в Париж, где они (Мережковские) задолго до революции приобрели квартиру. Философов жил в Польше и в период её оккупации Германией в 1939 году до самой смерти.

Между ним и Мережковскими все эти годы продолжалась переписка, до сих пор, насколько мне известно, полностью не-

опубликованная. Архив Мережковского хранится в Иллинойском университете и в некоторых частных архивах, и нам недоступен. Узнав о смерти Д. Философова в 1940 году в оккупированной немцами Польше, Мережковские в Париже заказали молебен в одной из русских православных церквей и почтили его память. На службе присутствовали И. Бунин, И. Шмелёв, В. Злобин и другие.

Нас интересует, главным образом, отношение Д. Философова к проблемам русской культуры. Поэтому нельзя скрывать правду. Его гомосексуальная связь с С. Дягилевым наложила тяжёлую печать на его дальнейшее творчество. Обратим внимание на некоторые статьи Д. Философова, например, «Братство церковного обновления» и «Церковь и революция». Традиционное христианское учение в то время критиковали многие, в том числе и Мережковские, но речь шла о возможном новом развитии христианства, во-первых, непосредственно с точки зрения Нового Завета: Многие и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг (гл.21, стр.25). Здесь подразумевается, что полный смысл богоявления ещё не раскрыт, мир познаёт Бога в историческом движении. Во-вторых, как постоянно писал Мережковский, нас ждёт откровение Третьего Завета. Скажем так: эти направления Нового Религиозного Сознания в то время, а также в 1920–30-е годы имели наибольшее значение. Однако Д.В. Философов, руководствуясь своими гомосексуальными соображениями, придал им несколько иное направление.

Очень интересны суждения Д. Философова о творчестве Достоевского: «Проблема Достоевского есть проблема русской культуры. Достоевского нельзя отвергнуть, – его надо преодолеть. Сделать это очень нелегко, но пора понять, что, не разобравшись в вопросах, поставленных Достоевским, мы непрестанно будем наткаться на непредвиденные сюрпризы» (из статьи «Загадки русской культуры»). И дальше: «Отношение наше к Достоевскому есть мерило нашей культурности. Если мы не поймём, что загадка Достоевского есть загадка русской культуры, мы неминуемо превратимся в бурбонов (т.е. пошляков – Г. М.)».

Д. Философов был глубоко убеждён, что Достоевский выражал мировоззрение некоего нового слоя русской культуры, «нитчанцев». Отчасти это было правдой. Сам Ф. Ницше неоднократно писал, что творчество Достоевского оказало на него огромное влияние. Обратим внимание на статью Д. Философова «Серьёзный разговор с “нитчанцами”» (1899 г.). Она направлена, как ни

странно, против Владимира Соловьёва, тогдашнего кумира символистов. И вот почему: тогда только что начал выходить журнал «Мир искусства», который объединил Д. Философова, Мережковских, С. Дягилева и многих других основоположников русской культуры Серебряного века. В. Соловьёву это очень не понравилось. Он, тогда уже втайне принявший католическое вероучение, как бы внутренне противопоставил себя всему кругу русских литераторов нового поколения, обзывая их «нитчеанцами». В чём-то это было и справедливо: нарождалась новая вера, русское вероисповедание – любовь к жизни и к творческому самосозиданию, к тому, что, несколько лет спустя, получит название богоискательства и богостроительства. Здесь, как ни странно, какими-то тайными путями сойдутся и Мережковские, и Д. Философов, и Максим Горький, и Вяч. Иванов, и даже Луначарский, и Г. Чичерин.

В вышеупомянутых статьях, а также в статье о Ф.М. Достоевском он постоянно подчёркивает необходимость разрушения семьи, ликвидации «пола», то есть различий мужского и женского начал. Даже Мережковские, которые проповедовали «андрогинность», стали тяготиться обществом Д. Философова. Вот запись из дневника З. Гиппиус от 19 марта 1912 года. «Дима вообще уже тяготился жизнью нашей, ибо ни общего быта создать мы не сумели, ни общего дела. Совместная жизнь... становилась тягостной». Одно время З. Гиппиус говорила, что лучшая форма «любви» – это влюблённость или просто любование, но Д. Философов изведаль и другую форму любви – гомосексуальную любовь-страсть, что глубоко ранило З. Гиппиус.

Вот одно из последних её стихотворений, посвящённых Д. Философову:

Когда-то было, меня любила
Его Психея, его Любовь.
Но он не ведал, что Дух поведал
Ему про это — не плоть и кровь.
Своим обманом он счёл Психею,
Своею правдой лишь плоть и кровь.
Пошел за ними, а не за нею,
Надеясь с ними найти Любовь.
Но потерял он свою Психею
И то, что было – не будет вновь.
Ушла Психея и вместе с нею
Я потеряла его любовь.

Современному читателю нужно пояснить, что под Психеей З.Н. Гиппиус понимала себя, а «Он» – это и был Д.В. Философов, которому, несмотря на мимолётные и даже страстные увлечения она сохранила склонность до конца жизни. В. Злобин, который безмолвно любил Зинаиду Гиппиус, не домогаясь физической близости с ней, в воспоминаниях написал, что, когда Гиппиус узнала о смерти Философова, то к этому приписала две строчки:

Но где б ты ни был – я с тобой,
И я люблю тебя, как прежде.

В 1945 году Зинаида Николаевна умерла. Поэтому так называемые антифашисты не смогли разгромить жилище Мережковских. В. Злобин лично обмыл её тело и похоронил в могилу, где был похоронен Мережковский.

Мнения Д.В. Философова, несмотря на его близость к кругу Мережковских, в оценке явлений русской культуры порой очень резко отличались от их взглядов на неё. Книга Д. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» (опубликовалась в 1900–1902 г. в журнале «Мир искусства») в своё время оказала колоссальное влияние на литературно-художественную общественность. Всецело ясны и отчётливо известны оценки Мережковским творчества Пушкина, но Д. Философов утверждает, что будто бы ему знакомы подлинные рукописи Л. Толстого, в которых написано так: «Что ж, Пушкин как поэт имел значение в своё время. Большое значение, которого он теперь, слава Богу, не имеет. Всё это стремление сделать Пушкина народным, привлечь народ к чтению его памяти – всё это одна фальшь. Пушкин для народа нужен разве только „на сигарки“. Толстого вызвали вниз. Через несколько минут он вернулся, держа в руках большой пучок вербы и какую-то записку.

„Вот посмотрите, что мне прислали“, – сказал Толстой, протягивая записку. На клочке бумаги карандашом было написано несколько строк пожеланий, чтобы Л.Н. поскорее вернулся в лоно церкви» (Д.В. Философов «Загадки русской культуры», М., 2004. С. 655) . Как ни странно, учение Толстого, так называемое «толстовство» весьма приглянулось Философову. В период – хотя бы и мнимого – построения своей новой церкви Мережковские были у Толстого всего один раз, да и то с некоторым страхом и оторопью, в то время как Д. Философов, С. Дягилев часто гостили у Толстого.

Мы не вправе в чём-то осуждать деятелей литературной культуры Серебряного века, а тем более Льва Толстого, но этот

факт игнорировать нельзя. Дело в том, что Д. Философов, как ни странно, был очень склонен к воззрениям так называемых шестидесятников, ратовавших за социальный прогресс и демократию, подобно теперешним либералам. Это черта его мировоззрения резко отделяла его от позиции Мережковского.

В 1907 году Д. Философов пишет: «Необходимо свободное и широкое общение между людьми равными, и эта проблема решается социализмом.

Вот как я определяю религиозное чувство» (из статьи «Горький о религии», 1907 г.). Именно в это время о таком же упоённом социализме мечтал и М. Горький (романы «Исповедь», «Мать»), а то, что вера в так называемое светлое будущее стала религиозной верой в определённых кругах, уже подводя итоги всему произошедшему, ясно сказал Н. Бердяев в книге «Истоки русского коммунизма».

После 1917 года, уже упомянутый нами вождь символизма Вяч. Иванов с горечью констатировал: «Да, сей костёр мы поджигали...». К сожалению, это горькая правда, и выводы из неё сказались и на судьбе Д. Философова.

В заключение приведу одну цитату из дневниковых записей З. Гиппиус о смерти Д. Философова: «Узнали, что умер Дима, я так в этом и живу. Я знала, что он умрёт, что глубоко страдает и жаждет смерти. Я даже думала, что он уже умер, – трудно было себе представить, что он мог всё это, и себя, пережить... А всё-таки лучше не знать наверно» (из предисловия к той же книге А. Николюкина, с. 11–12).

Смерть Д. Философова в условиях начавшейся Второй мировой войны, разумеется произвела тяжёлое впечатление не только на Гиппиус, но и на Мережковского. В это время Франция была уже оккупирована, и положение русских эмигрантов становилось всё более сложным. Последнее, что им оставалось, – сплотиться. Думаю, что отчасти это так и произошло. Не случайно Н. Берберова, кажется, сказала о миссии эмиграции: «Мы не в изгнании, мы в послании». Это «послание» дошло до нас только в конце XX века.